

Н.А. Сугако. Общественно - политические взгляды М. П. Погодина: состояние и проблемы историографии / Сугако Н. А. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.272–278.

Н. А. СУГАКО

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. П. ПОГОДИНА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Историография ХГХ — начала ХХ! в. насчитывает всего лишь 8 исследований, специально посвященных историку М. П. Погодину. Из них только одна работа Н. П. Барсукова приходится на ХВХ в. [1]. Однако и в 22 томах издания автор не смог изложить все факты из жизни Погодина, особенно касающиеся последнего десятилетия его жизни. Особенностью труда, который современники называли «Повестью временных лет ХВХ века» [2, с. 956], является его полумемуарный, полуйсследовательский характер. Это скорее публикация различных материалов, относящихся к жизни и деятельности Погодина, в которой его общественно-политические взгляды не являются предметом специального исследования.

В целом в российской дореволюционной историографии преобладали статьи и очерки, затрагивавшие отдельные аспекты жизни и творчества М. П. Погодина. К их числу относятся работы К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Д. Галахова, Л. Н. Майкова, С. А. Венгерова, являющиеся биографическими по своему характеру. Авторы уклонились от оценок и обобщающих характеристик, а только привели основные факты, связанные с жизнью историка. При этом К. Н. Бестужев-Рюмин открыто признавался, что в своем кратком биографическом обзоре «многого коснулся слегка, многое пропустил». Он был уверен, что «настоящая биография Погодина и настоящая его оценка еще в будущем» [3, с. 214]. А. Д. Галахов написал свою статью на основе изучения содержания двух томов из сочинения Н. П. Барсукова, и она также носила биографический характер. Автор отметил патриотизм историка, его приверженность панславизму, доказывая, что Погодин не принадлежал ни к западникам, ни к славянофилам, «занимал между ними, так сказать, срединное место и тем выказал свое благоразумие и беспристрастие» [4, с. 143]. Схожую позицию занимал и С. А. Венгеров. Он обратил внимание на сотрудничество редакции журнала «Москвитянин» со славянофилами, хотя она и не выражала их идей. Политические же убеждения Погодина оценены так: «...он просто держался тех воззрений, которые в данный момент господствовали в руководящих сферах». Венгеров вторил Галахову, заявляя об «искреннем» «квасном патриотизме» Погодина [5, с. 586—587]. О Погодине как о патриоте говорил и Л. Н. Майков: историк «был патриотом не по заказу и не по расчету, а по глубокому убеждению и искреннему чувству» [6, с. 294].

Проблема идейной близости вождей славянофильства и М. П. Погодина как сторонника теории «официальной народности» получила свое дальнейшее развитие в трудах Г. В. Плеханова и П. Когана. Они полагали, что Погодин если и не являлся славянофилом, то разделял именно их взгляды и убеждения. Плеханов утверждал: «теоретики официальной народности были родными братьями теоретиков славянофильства» [7, с. 100]. По Когану, М. П. Погодин и С. П. Шевырев «близко стояли к славянофилам» [8, с. 142]. Подробный критический анализ взглядов М. П. Погодина содержится в работах и других историков — К. Д. Кавелина, В. О. Ключевского, М. О. Кояловича, П. Н. Милокова. Так, Коялович и Кавелин признавали значимый вклад ученого в развитие исторической науки [9, 10]. Для них он — крупнейший исследователь древней истории России, а главное достоинство его работ — их обширная источниковая база. Объективно признавая вклад Погодина в развитие науки, Коялович и Кавелин подчеркивали односторонность его исторических взглядов. Более критично к науч-

ной деятельности историка отнеслись В. О. Ключевский и П. Н. Милоков. Ключевский подметил, что многие из спорных вопросов российской истории впервые были вынесены на обсуждение именно Погодиным. Однако ни один из них он так и не разрешил. Причина в том, что историк не сумел «свести случайные, разорванные догадки в стройную систему, в цельный взгляд» [11, с. 149—150]. Милоков полагал, что Погодин как ученый стоял на одном уровне с историком Н. А. Полевым. Каждый из них пытался определить историческую роль русского народа, но в полной мере с поставленной задачей не справился. Погодин осуществил только «простой пересказ летописи», но не сумел дать «закономерного объяснения» [12, с. 357]. Тем не менее утверждалось, что Погодин как теоретик «официальной народности» создал основу для исторического обоснования государственной идеологии.

В дореволюционной историографии особняком стоит статья А. Ашевского, в которой представлена история «политических писем» М. П. Погодина, изданных в виде сборника «Историко-

политические письма и записки в продолжении Крымской войны». Здесь историк представлен как идеолог теории «официальной народности», который в 1853—1856 гг. встал на позицию критики деятельности правительства. На основе анализа содержания «политических писем» прослеживаются изменения в политических взглядах их автора. По мнению Ашевского, в 1853—1856 гг. историк «развивал свои любимые идеи, высказанные за 10—15 лет до войны», среди которых были идеи панславизма и необходимости союза между Францией и Россией. Заслуга Погодина в том, что в годы Крымской войны он не только доказывал необходимость реформ, но и в том, что он «один из немногих старался убедить в этом своими письмами и записками и правящие сферы, и образованное общество» [13, с. 13, 25].

Советская историография в оценках М. П. Погодина представлена преимущественно статьями и очерками. Из специальных работ можно назвать лишь кандидатскую диссертацию В. К. Терещенко [14]. Автор ограничился характеристикой общественно-политических взглядов Погодина лишь периода 1820—1850-х гг. Он отнес историка к консерваторам, но признавал наличие либеральных идей в его социально-экономических воззрениях 1850-х гг. Политические предложения Погодина 1860-х—первой половины 1870-х гг. анализу не были подвергнуты. Автор не искала причин того, почему историк в своей публицистике 1850-х гг. критиковал деятельность правительства, а предпочла объяснять такую позицию «пресмыкательством», тактикой компромиссов с его стороны. Оценки несут печать идеологических штампов. Внимание советских исследователей было сосредоточено главным образом на определении вклада Погодина в историческую науку, исследовании издательской деятельности, политических взглядов периода Крымской войны, позиции в споре славянофилов и западников. Так, краткую характеристику его научной деятельности, «математического» метода его исследования дал Н. Л. Рубинштейн, а при рассмотрении политических взглядов было указано, что «двойственность оценки Погодина коренится в двойственности и противоречивости научного и общественного лица самого историка» [15, с. 255].

Справочник «Русская периодическая печать (1702—1894)» содержит общие сведения о газетах и журналах, которые издавал Погодин. Особо выделен «Москвитянин» как издание «реакционного направления», созданное при поддержке С. С. Уварова и пропагандировавшее правительственный курс [16, с. 195]. Общественная направленность других изданий не была определена. В. А. Китаев и Ш. М. Левин впервые попытались назвать причины изменения политических взглядов Погодина в годы Крымской войны. Они связывали их с настроениями российского общества, которое перестало доверять правительству и увидело всю отсталость России [17, 18]. Принадлежность Погодина к славянофильству или западничеству рассмотрена в трудах И. И. Ковалевой, Н. И. Цимбаева, Ю. З. Янковского. Они сходились во мнении, что взгляды историка были близки в взглядам славянофилов. Общей идеей, которая их сближала, была мечта «о воссоединении всех славян в единое государство» [19, с. 186]. Цимбаев считал Погодина «крупнейшим славянофилом-славянолюбом» [20, с. 33].

Янковский размышлял, «соответствовала ли панславистская программа Погодина воззваниям славянофилов», и отличие находил лишь в том, что историка «мало беспокоило, стремятся ли сами славянские племена к объединению под владычеством» России [21, с. 122].

В современной исторической науке заметны изменения в оценках. В России на рубеже XX—XXI вв. опубликованы монографии Н. И. Павленко, К. Б. Умбрашко, защищены диссертации Н. Н. Пуряевой, К. В. Рясенцева, Д. А. Иванникова, посвященные наследию Погодина. Работы Умбрашко и Павленко носят биографический характер [22, 23]. Приоритет отдан изучению научной деятельности Погодина. В силу этого в книге Умбрашко политические взгляды историка рассматриваются через анализ его исторических трудов, занимая не более двух страниц. Но представлена подробная характеристика самих исторических работ, научной, издательской деятельности. Для Павленко также более значимой была деятельность Погодина как историка, а не общественного деятеля и публициста. Автор отметил неординарность его личности, круг друзей и знакомых, роль в истории Московского университета. Вместе с тем определяется, что в 1850-х — начале 1870-х гг. одной из основных сфер деятельности Погодина была публицистика, хотя представлена только ее классификация и «суммарная характеристика». Из всего многообразия публицистических работ Погодина автор более подробно охарактеризовал материалы, в которых историк дал оценку крестьянской реформе 1861 г. В то же время его отношение к другим реформам 1860—1870-х гг. не освещается. Павленко оценивал взгляды историка только как консервативные, игнорируя его либеральные идеи 1850-х — начала 1870-х гг. В рассмотрении издательской деятельности Погодина (выпуск журналов «Московский вестник», «Москвитянин», газеты «Русский») акцентируется внимание на ее воздействии на творчество ученого, но не на общественно-политические взгляды. При этом остались без внимания сборник «Утро» и «Летучий листок».

В политологической диссертации К. В. Рясенцева специфичны методы, предмет и объект исследования [24]. Автор также отнес М. П. Погодина к числу консерваторов. Его выводы сделаны на основе изучения роли Погодина только в обосновании теории «официальной народности» и панславизма, и не затронуто все политическое мировоззрение историка. В его общественно-политической деятельности Рясенцев выделил три этапа. Первый был связан с обоснованием теории «официальной народности», а основным содержанием второго и третьего этапов являлась «политическая публицистика», разработка и популяризация идеи политического и культурного панславизма. Автор взял за основу классификацию панславизма, предложенную Б. А. Прокундиным, но внимание свое сосредоточил на политическом и культурном панславизме Погодина, обратил внимание на его рассуждения о политике «двойных стандартов», русофобии [25, с. 15, 23]. Вне поля зрения исследователя оказался целый ряд вопросов. В частности: «польский вопрос», отношение Погодина к политике в национальных регионах России, степень взаимосвязи его политических взглядов с идеологией западнорусизма. В полной мере не определено отношение Погодина к реформам 1860—1870-х гг., к российской политике в Азии, к перспективе сотрудничества с США. Это не позволяет говорить о комплексном представлении общественно-политических взглядов Погодина.

В диссертации Д. А. Иванникова Погодин представлен не как идеолог теории «официальной народности», а как политик, который в 1830—1860-х гг. пытался создать собственное идеологическое течение, обозначенное как «национально-либеральный консерватизм». Он указывал, что историк способствовал становлению государственной идеологии, «но постоянно выходил за ее рамки». Иванников, характеризуя журналистскую деятельность Погодина, заявил о «неопределенности его общественно-политических взглядов» [26, с. 22—23]. С данными утверждениями невозможно согласиться, ибо возникают вопросы: каковы «рамки» теории «официальной народности», кто и когда их установил? Когда отрицается принадлежность взглядов историка к государственной идеологии, славянофильству, западничеству, встает вопрос: можно ли в это время их отнести к национально-либеральному консерватизму?

Д. А. Иванников, классифицируя взгляды Погодина, ссылается на «типологизацию русского консерватизма», предложенную А. Ю. Минаковым и А. В. Репниковым. Так, Минаков, исследуя русский консерватизм первой четверти XIX в., выделил и охарактеризовал в нем пять течений: церковный, православно-самодержавный, русско-националистический, масонский, католический. Вместе с тем автор сделал оговорку. Что такое деление «условно», что «консервативная идеология и практика были дисперсны, неотчетливы, аморфны, иногда трудно отделимы» [27, с. 269, 277]. Репников, исходя из того, что в России не сложилась «универсальная консервативная философия в чистом виде», выделил ее принципы [28, с. 146]. Оба исследователя характеризуют русский консерватизм, заявляют о его особенностях, развитии, однако не дают характеристик либерального консерватизма, на который ссылается Иванников. Таким образом, в исторической литературе отсутствует характеристика данного политического течения, которое в научный оборот автор вводит впервые. Выходит, что Иванников не видит принципиальных различий в общественно-политическом мировоззрении Погодина конца 1850-х — начала 1870-х гг. в сравнении с периодом 1830-х — начала 1850-х гг., отрицает существование идейного кризиса в его взглядах.

Диссертация Н. Н. Пуряевой «М. П. Погодин — литератор» представлена на соискание ученой степени кандидата филологических наук, что обусловило специфику методов, предмета и объекта исследования [29]. Здесь Погодин показан как писатель, журналист, издатель. Главной целью было выявить и изучить все литературные произведения Погодина, проанализировать его журналистскую и редакторскую деятельность. Осуществляя характеристику литературных произведений историка, автор лишь упоминает об исторических и политических сюжетах, содержащихся в них. Общественно-политические взгляды, политическая направленность известных периодических изданий не исследуются.

В современной российской историографии сохранилась тенденция оценивать Погодина только как консерватора и идеолога теории «официальной народности». Такой точки зрения придерживается и Г. В. Можяева, утверждая, что главная цель научной и общественной деятельности Погодина — «сделать российскую историю охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия» [30, с. 143—144]. В. И. Дурновцев и А. Н. Бачинин полагают, что Погодин «в прямом и точном смысле слова — консерватор» [31, с. 205]. О. Майорова также утверждает, что «...позиция Погодина была близка официальной или даже совпадала с ней», в том числе в обосновании и использовании «варяжской легенды», приобретшей «канонический характер» [32, с. 137, 139]. К числу консерваторов относят Погодина и С. С. Секиринский. Он указывает на сближение Погодина со взглядами Б. Н. Чичерина, М. М. Стасю-левича и А. И. Герцена в том, «что там, где личность монарха выступает инициатором и

гарантом реформационного процесса, она не может и не должна оставаться вне поля его обратного воздействия» [33, с. 94]. К числу наиболее видных консерваторов России XIX в. Погодина отнесли и авторы книги «Русский консерватизм XIX столетия» [34]. Указывается, что в годы Крымской войны консерватизм утратил свое влияние и популярность, что отразилось и на взглядах Погодина. Причина этого, по мнению Р. Г. Эймонтовой, заключалась в том, что «репрессивные меры правительства в отношении просвещения, подавление независимой мысли порождали в образованных, мыслящих людях чувство протеста, неприязнь к произволу» [35, с. 180—181]. Погодин тоже стал критиковать существующую систему, проявляя «тягу к свободной мысли и стремление к переменам» [35, с. 182]. В. Я. Гросул же оценивает взгляды Погодина весьма уклончиво, заявляя, что он «...если не перешел в стан либералов, то вполне может быть отнесен к типу консерваторов с некоторыми прогрессивными устремлениями» [36, с. 202]. В целом начиная с 1990-х гг. в исторической науке проявляется большой интерес к переоценке классификации консерватизма и либерализма XIX в. Так, А. В. Гоголевский к числу прогрессивных людей того времени, «возрождавших либеральную идею» и «формировавших настроение в поддержку правительства», относил и Погодина [37, с. 44].

В современной белорусской историографии необходимо отметить диссертацию И. Л. Качалова [38]. Она не является специальным исследованием, посвященным Погодину. Общественно-политическая деятельность историка здесь рассматривается опосредованно через призму изучения процесса становления и разработки теории «официальной народности». Погодин представлен как теоретик государственной идеологии. Отметим, что современники, российские и советские историки и ранее относили Погодина к числу сторонников данной идеологии. Выводы, сделанные в диссертации, касаются теории «официальной народности», а не общественно-политических взглядов Погодина. Рассмотрен его вклад в трактовку государственной идеологии, но лишь в 1830—1840 гг. Представляя Погодина как идеолога теории «официальной народности», Качалов рассматривает близость его идейных взглядов с С. С. Уваровым, С. П. Шевыревым, анализирует влияние романтизма на становление государственной идеологии, ее идейное содержание. Проблема кризиса государственной идеологии и отказа от нее правительства осталась без внимания. Конечно, данный аспект политического развития России XIX в. может стать темой отдельного исследования. Однако при его изучении невозможно не учитывать политическую позицию Погодина как одного из разработчиков теории «официальной народности». В 1840—1850-х гг. кризис переживала не только государственная идеология, но и общественно-политическое мировоззрение историка. Его активная идеологическая и пропагандистская деятельность в качестве проводника государственной идеологии не была в полной мере востребована правительством и, более того, явилась одной из причин, приведшей к трансформации его общественно-политического мировоззрения. Остался также открытым вопрос о роли Погодина как теоретика государственной идеологии в становлении славянофильского направления общественной мысли. Эти важные проблемы остались вне поля зрения и Качалова, и Рясенцева (хотя одна из глав диссертации последнего посвящена теории «официальной народности»).

В ряде научных публикаций И. Л. Качалова, которые появились в последние годы, наряду с изучением условий формирования теории «официальной народности», влияния шеллинги-анства на этот процесс обращается внимание и на панславистские взгляды Погодина [39]. Историк утверждает, что в оценке политической ситуации 1840-х гг. Погодин был прав, а Крымская война воочию доказала, что момент для реализации идеи панславизма был упущен [40, с. 211]. Согласиться с этим мнением довольно сложно. Действительно, Погодин одним из первых сформулировал идею не только культурного, но и политического союза славянских народов, делая акцент именно на политическом панславизме. Однако следует признать, что реализовать данные предложения на практике правительство не могло, так как они шли в разрез с официальным внешнеполитическим курсом. В конечном итоге историк сам осознал невозможность их реализации и в 1860-х гг. пересмотрел свои взгляды.

Таким образом, анализируя историографию, посвященную М. П. Погодину, сложно говорить о завершенности изучения проблемных вопросов: особенности трактовки теории «официальной народности» в интерпретации историка; причины, по которым его активная идеологическая и пропагандистская деятельность не была в полной мере востребована обществом и правительством; роль Погодина в становлении славянофильства; причины, вызвавшие идейный кризис взглядов Погодина в конце 1840-х — начале 1850-х гг.; оценка Погодиным в 1850-х гг. консервативной охранительной политики Николая I; общественно-политическая направленность его периодических изданий (газета «Русский», сборник «Утро», брошюра «Летучий листок»); позиция Погодина по крестьянской, городской, судебной, военной, образовательной реформам 1860—1870-х гг.; эволюция общественно-политических взглядов Погодина во второй половине 1850-х — начале 1870-х гг. в направлении от государственно-охранительного консерватизма к консервативному либерализму; взаимосвязь его

взглядов 1860-х гг. с идеологией западнорусизма. Необходимо учитывать, что общественно-политические взгляды Погодина не являлись статичными, неизменными, а его личность была гораздо сложнее, чем

принято воспринимать историографической традицией. Большинство исследователей не увидели тех серьезных изменений, которые происходили в его мировоззрении в конце 1850-х — начале 1870-х гг. в сравнении с предшествующим периодом 1830—1840-х гг., не придали значения эволюции взглядов, что не позволило оценить их взвешенно и объективно, отойти от стереотипа об их консервативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. / Н. П. Барсуков. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1888—1910.
2. Корсаков, Д. Из воспоминаний о Н. Барсукове / Д. Корсаков // Исторический вестник. 1907. № 6.
3. Бестужев-Рюмин, К. Н. Михаил Петрович Погодин (1800—1875) / К. Н. Бестужев-Рюмин // Биографии и характеристики / К. Н. Бестужев-Рюмин. М. : Век, 1997.
4. Галахов, А. Д. Михаил Петрович Погодин / А. Д. Галахов // Русский вестник. 1889. № 8.
5. Венгеров, С. А. Молодая редакция «Москвитянина» / С. А. Венгеров // Вестник Европы. 1886. № 2.
6. Майков, Л. Погодин в последние годы своего профессорства / Л. Майков // Историко-литературные очерки / Л. Майков. СПб. : Синодальная типография, 1895.
7. Плеханов, Г. В. М. П. Погодин и борьба классов / Г. В. Плеханов // Сочинения: в 25 т. / Г. В. Плеханов. М.; Л. : Государственное изд-во, 1926. Т. 23.
8. Коган, П. Очерки по истории новейшей русской литературы: в 3 т. / П. Коган. М., 1908. Т. 1.
9. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. СПб. : Синодальная типография, 1893. 593 с.
10. Кавелин, К. Д. Исторические труды М. П. Погодина / К. Д. Кавелин // Собрание сочинений : в 8 т. / К. Д. Кавелин. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. Стб. 95—251.
11. Ключевский, В. О. М. П. Погодин / В. О. Ключевский // Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. М. : Наука, 1983.
12. Милоков, П. Главные течения русской исторической мысли. М. : Типолитография Высочайше утвержденного товарищества Н. Н. Кушнеров и К. 1898.
13. Ашевский А. Политические письма Погодина / А. Ашевский // Образование. 1900. № 12.
14. Терещенко, В. К. М. П. Погодин в общественно-идеологической борьбе 30—50-х годов XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. / В. К. Терещенко. М. : Знание, 1975. 30 с.; Терещенко, В. К. М. П. Погодин и споры западников и славянофилов в 1840-х годах / В. К. Терещенко // Проблемы истории СССР. 1976. Вып. V. С. 243—270; Терещенко, В. К. Общественно-политические позиции М. П. Погодина в середине 50-х годов XIX века / В. К. Терещенко // Проблемы истории СССР. 1974. Вып. IV. С. 243—270.
15. Рубинштейн, Н. Л. Погодин / Н. Л. Рубинштейн // Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1941.
16. Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. М. : Госполитиздат, 1959.
17. Китаев, В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50—60-х гг. XIX в.) / В. А. Китаев. М. : Мысль, 1972. 288 с.
18. Левин, Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX в. / Ш. М. Левин. М. : Наука, 1974. 442 с.
19. Ковалева, И. И. Славянофилы и западники в период Крымской войны (1853—1856) / И. И. Ковалева // Исторические записки. 1967. Т. 80.
20. Цимбаев, Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н. И. Цимбаев. М. : Изд-во Московского университета, 1986.
21. Янковский, Ю. З. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840—1850 годов. М. : Художественная литература, 1981.
22. Умбрашко, К. Б. М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист / К. Б. Умбрашко. М. : ИРИ РАН, 1999. 293 с.
23. Павленко, Н. И. Михаил Погодин / Н. И. Павленко. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 360 с.

24. Рясенцев, К. В. Политический консерватизм М. П. Погодина [Электронный ресурс]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / К. В. Рясенцев; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. 168 с. Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru>.
25. Рясенцев, К. В. Политический консерватизм М. П. Погодина : автореф. дис. . канд. полит. наук : 23.00.01 / К. В. Рясенцев; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007.
26. Иванников, Д. А. Общественно-политические взгляды и деятельность М. П. Погодина: авто-реф. дис. . канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Иванников; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2005.
27. Минаков, А. Ю. Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004.
28. Репников, А. В. Консервативная модель / А. В. Репников // Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2004.

29. *Пуряева, Н. Н.* М. П. Погодин — литератор [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. Н. Пуряева. М. : МГУ, 2006. 179 с. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru>.
30. *Можаева, Г. В.* Погодин Михаил Петрович (1800—1875) / Г. В. Можаева // Историки России. Биографии. М. : РОССПЭН, 2001.
31. *Дурновцев, В. И.* Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин / В. И. Дурновцев, А. Н. Бачинин // Историки России XVIII — начала XX в. М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1996.
32. *Майорова, О.* Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 году / О. Майорова // Новое литературное обозрение. 2000. № 3.
33. *Секиринский, С. С.* Родословная российской свободы / С. С. Секиринский, Т. А. Филиппова. М. : Высш. шк., 1993.
34. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
35. *Эймонтова, Р. Г.* В новом облики (1825—1855) / Р. Г. Эймонтова // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
36. *Гросул, В. Я.* В эпоху реформы 1861 года / В. Я. Гросул // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул [и др.]. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
37. *Гоголевский, А. В.* Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX в. / А. В. Гоголевский. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996.
38. *Качалов, И. Л.* Теория официальной народности и ее создатели: дис. ... канд. ист. наук : 056.03.02 / И. Л. Качалов. Минск, 1995. 232 с.
39. *Качалов, И. Л.* Революционность и консерватизм как идеологические альтернативы в русской общественной мысли первой половины XIX в. / И. Л. Качалов // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI: сб. материалов республиканских научных чтений, посвященных памяти профессора И. В. Оржеховского, Брест, 27 мая 2003 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина; Брест, 2004. С. 67—72; *Качалов, И. Л.* Шеллингианство и теория официальной народности / И. Л. Качалов // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы : у 2 ч. Ч. 2. Мінск, Універсітэцкае, 1995. С. 70—77.
40. *Качалов, И. Л.* М. П. Погодин. Славянская идея (к 200-летию со дня рождения) / И. Л. Качалов // VII Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы чтений, Минск, 23—26 мая 2002 г.: в 2 ч. / ЕГУ факультет теологии, БГУК; редкол.: А. Ю. Бендин [и др.] Минск. 2003. Кн. 2.

SUMMARY

The article contains the analysis of Russian and soviet historiography devoted to M. P. Pogodin and his social-political views. Some questions and problems were out of historians' field of vision. The main idea is based on point that most of the explorers didn't see and didn't admit the fact of evolution of social-political views of M. P. Pogodin, this all these didn't aleon them to evaluate these issues more deliberately and objectively.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2009 г